

чал еще один цикл **«В гостях у времени»** (1929), в который вошли рассказы **«Его смерть»**, **«Рассказ, написанный через десять лет»**, **«Булонский лес»** и ранее опубликованный в ж. «Благонамеренный» рассказ **«Последний экзамен»**. В большинстве произведений этого цикла С. попытался отойти от разрабатываемой им обычно темы Гражданской войны и обратился к современности, но потерпел явную неудачу и в 1930 вернулся к еще более далекому прошлому, к своему детству и мировой войне, написав рассказ **«Трус»**.

В «Воле России» С. выступал и как рецензент, первое критическое выступление было связано с произведениями И. Эренбурга. С. обстоятельно описал переиздание средневековой книги Штадена «О Москве Ивана Грозного»; появились на страницах «Воли России» рецензии на книгу Вс. Иванова «Бразильская любовь», статья **«Жизненный путь Кнута Гамсуна»**, написанная к 50-летию лит. деятельности норвежского писателя; были напечатаны статья С. о творчестве Б. Пастернака **«О читателе, критике и поэте»**, рецензии на книги А. Веселого («Дикое сердце») и А. Ремизова («Звезда над звездная» и «По карнизам»), на «Стихи и прозу» В. Диксона.

Постепенно в Париж перебрались давние друзья С.: В. Андреев, А. Присманова; и он с ними, а также с В. Познером, Б. Поплавским и др. выпустил сб. **«Стихотворения»** (поэзия и поэтическая критика) (1928), в котором поместил свою работу о Ф. Сологубе.

Весной 1928 в Париже по инициативе М. Слонима, В. Андреева и С. было образовано лит. объединение «Кочевье», ставившее своей целью, как говорилось в его программе, «развитие творческих сил молодых писателей и самоутверждение их в эмигрантской лит. среде, в которой представители нового лит. поколения не всегда встречали поддержку и сочувствие». Еженедельные собеседования превратились в публичные собрания, которых за два с небольшим года прошло более ста. С. принимал в работе «Кочевья» самое непосредственное участие. На одном из вечеров он читал свои произведения, на другом состоялся разбор рассказов С. Выступал С. на «Кочевье» и с устными рецензиями на книги Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», О. Мандельштама «Египетская марка», Б. Пильняка «Красное дерево», делал доклады о И. Бунине и поэзии в ж. «Воля России». 21 янв. 1932 С. в качестве «собеседника» был на докладе М. Цветаевой «Поэт и время». Среди близких друзей С. в Париже были

М. Цветаева, А. Ремизов и М. Осоргин, который позже, когда С. попал в немецкий концлагерь, почти 2 года регулярно посылал ему туда продовольственные посылки.

С первых дней Второй мировой войны С. вступил в Иностр. легион и пошел воевать с фашизмом, был ранен, попал в плен. Пробыв 3 года в концлагере, в 1943 сумел освободиться и сразу же вступил в ряды Сопротивления. Вместе с В. Андреевым С. участвовал в боях под Олероном, за что после войны был награжден советским правительством медалью «За боевые заслуги».

После войны С. работал в аппарате ООН в Нью-Йорке, иногда писал. В 1947 в нью-йоркском ж. «Новоселье» (№ 31) был опубликован рассказ С. **«Срубленная ель»**. В 1960 С. вернулся в Россию. С собой он привез сохранные им более 100 писем, рукописей, фотографий М. Цветаевой, А. Ремизова, М. Осоргина и др. своих парижских друзей, которые сдал в гос. архив.

После возвращения С. неоднократно пытался познакомить соотечественников с лит. наследием М. Осоргина, со своими воспоминаниями, но это стало возможным лишь через четверть века после приезда С. в Россию, и в основном уже после кончины С.

Соч.: Сосинский Б., Андреев В., Прокша Л. Герои Олерона. Минск, 1965; История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль // Русская мысль. Париж, 1990. 27 нояб.; Конурка: Воспоминания // Вопр. лит.-ры. 1991. № 6; Она была ни на кого не похожа // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992.

Лит.: Андреев В. История одного происшествия. М., 1974; Цветаева М. Письма Б. Б. Сосинскому // Цветаева М. СС: в 7 т. Т. 7. М., 1995.

В. В. Попов

СОСНОРА Виктор Александрович [28.4. 1936, Алупка] — поэт, прозаик.

Родился в семье ленинградского жонглера-эквилибриста. Детство провел в Ленинграде, включая основные месяцы блокады. Весной 1942 по ладожской Дороге жизни эвакуирован, оказался на Кубани, стал связным в партизанском отряде, руководимом дядей С. Отряд был уничтожен, спасся один С., которого спрятали немецкий врач. С бабушкой С. уехал в Махачкалу, где поступил в школу, но вскоре был увезен отцом, полком, к этому времени командиром дивизии Войска Польского. В армии С. оказался «сыном полка», дошел с ним до Франкфурта-на-Одере. После войны некоторое время жил в Архангельске, школу окончил во Львове

в 1954, тогда же вернулся в Ленинград. По собственной инициативе пошел служить в армию, был вычислителем в артиллерийских и минометных частях на границе с Финляндией в 1955–58. В 1958–63 учился на философском ф-те Ленинградского ун-та, одновременно работая слесарем на Невском машиностроительном заводе. Ун-т не окончил, не захотев писать дипломную работу. В это время С. уже известен как поэт, автор книги **«Январский ливень»** (1962), предисл. к которой написал Н. Н. Асеев, поддерживавший С. с 1958. Футуристическое прошлое Асеева несомненно импонировало и самому С., хотя в первую очередь в становлении его как поэта сыграла роль увлеченность миром древнерусской культуры, а на его мировоззрение наложил отпечаток рывок в сторону русской религиозной философии начала XX в., знакомство с трудами Н. Ф. Федорова и о. Павла Флоренского. Изначальным и непреходящим творческим импульсом для С. все же стало его необычайное детство и отрочество. Феномен собственного сочинительства С. рассматривает как «аномалию детства».

«Ковш душевной глубины», каковым, по выражению Б. Л. Пастернака, является детство, сюжеты из древней русской лит-ры и фольклора, философский утопизм федоровского типа и наследующий ему русский футуризм сплелись у С. в антиномичное эстетическое целое,

В. А. Соснора

не упорядоченное и не сглаженное «зрелостью». Доминантой для этой эстетики является представление о «превосходстве метафоры над логикой». Худож. речь С. есть мощное оружие спонтанной духовидческой фантазии. Ее смысл лучше проясняется в контексте целой книги, завершеного цикла, чем в образной яркости отдельного стих. С 1963, с неизданной книги **«Совы»**, С. не пишет «отдельных» стих., он пишет только «книги стихов». (Другое дело, что печатать стихи «книгами» не удается: все печатные сб. С.— более или менее корректное «избранное», и лишь **«Всадники»** (1969) выделяются как единое целое, итог древнерусских ранних вариаций.) «Совы» были «открытием себя», «первым опытом метафорического осмысления жизни, а не рассудительного»,— после открытия самого мира поэзии, понятий через «Слово о полку Игореве» и др. древние тексты.

При всем футуристическом запале и веселом лукавстве лирически С. движется в русле иной традиции. Понимание судьбы и роли поэта у него совершенно романтическое, блоковское, с «двойничеством», с «идеей пути», с иронией и прохождением через опыт мирового зла — к «вочеловечиванию». Единый для поэзии и прозы С. сюжет может быть описан как прорыв к иной жизни, к самовоскрешению: «...Я вырвал сам себя у смерти / И в смерти сам себя воздвиг».

Искусство в целом — это и есть самовоскрешение. В повести **«Башня»** (1982–85) оно изображено и метафизически и физически, как ощущение человека, пережившего клиническую смерть. В древнерусских стихах С. лирический герой также определяет себя то как самовоскресшего, «вернувшегося» «через восемь сотен лет почти» певца Бояна, то как правителя затонувшего града Китежа.

Метафорическая речь С. есть способ постижения сегодняшнего дня с точки зрения «бессмертной души». «Душа человека одна и ясна, друг мой, а жизнь — это на ней мундир»,— говорит С. в «Башне». Запечатленная в языке поэтическая фантазия раскрывает в книгах С. идеальную потенцию жизни в ущерб материальной. «Холодно и лживо на земле»,— сокрушается С. Но как художник думает и видит иначе: «Снег идет как свет».

Новаторство С. укоренено в архаике. Поэзия возвращена у него к временам, когда каждый звук — не слово! — еще значил для человека что-то особенное, сакральное. В поэте слово, выражающее дух вносимой в бытие гармонии, рождается изначально и как бы независимым от него образом. «Искусство возникает из Божьей дрожи худож-

ника,— говорит С.,— а кроме нее, ничего нет». Поэтому худож. речь при всей ее видимой алогичности — проповедническая речь, она выше, сильнее того, кто ею наделен.

Поэтический образ объемнее мимолетно отразившейся в ней реальности. Он труден для понимания, а иногда не вполне понятен и самому автору. С. называет себя «ненавистником реальности во имя жизни...». Жизнь для него — это внутренняя суть вещей, проявляющая себя в худож. образе. Именно поэтому с годами стилистика С. не упрощается, как это бывает у подавляющего числа писателей, но усложняется. Истинно в этом искусстве лишь подразумеваемое значение. С. заботится в первую очередь о правдивости и силе производимого впечатления, а не о сходстве с натурой. Такова и историческая проза С.: «Где, Медведь, твой дом?» (1963), «Две маски», «Спасительница отечества», «Державин до Державина» (все — 1968), которую С. по примеру стихотворной практики начал писать раньше вещей, обусловленных его личным жизненным опытом («День Зверя», 1980; «Башня», «Дом дней», 1985–86). С. исследует не фиксированную в памятниках культуры и архивных источниках череду событий и портретов, блуждает во тьме исторического «зазеркалья», в поисках желанных вариантов неведомых событий и судеб. С. «превращает события в метафору, процесс — в систему метафор. Соснору интересует не столько процесс как таковой, сколько заостренный — иногда до парадоксальности — образ процесса» (Гордин Я.— С. 5).

Эстетика С. в родстве с тем принципом письма, который открывали в своих стихах и прозе Хлебников, Цветаева... В его текстах самоочищается русский язык, обретает новую энергию его синтаксис, выявляется музыкальная природа его звукообразов. Делается это для извлечения из русской речи при ее помощи и для нее самой новых смыслов.

Из всего написанного С. в стихах и прозе издано едва ли больше половины. Хотя и российский, и международная известность писателя очень высока. С. читал лекции в Венсенском ун-те Парижа (1970, 1979), в ун-тах США (1987), участвовал в фестивалях поэзии в Праге, Варшаве, Риме, Стокгольме, Хельсинки, Париже, Белграде, Стамбуле. Книги С. переведены на большинство европейских яз.

Соч.: Январский ливень. Л., 1962; Триптих. Л., 1965; Всадники. Л., 1969; Стихотворения. Л., 1977; Песнь лунная. Л., 1982; Властители и судьбы. Л., 1986; Избранное. Энн Арбор, 1987; Возвращение к морю. Л., 1989;

Башня. Л., 1993; Девять книг. М., 2001; Двери закрываются. СПб., 2001; Проза. СПб., 2001.

Лит.: Портнов В. По былинам сего времени // Новый мир. 1963. № 2; Гордин Я. Литературные варианты исторических событий — что это такое? // Соснора В. Властители и судьбы. Л., 1986; Новиков В. Против течения // Диалог. М., 1986; Пикач А. Видение внутри ветра, или Диковинная геоархитектура Виктора Сосноры // Нева. 1992. № 10; Арьев А. Ничей современник (Виктор Соснора: случай самовоскрешения) // Вопр. лит-ры. 2001. Май–июнь.

А. Ю. Арьев

СОФИЕВ Юрий (настоящее имя Юрий Борисович Бексофиев) [20.2.1899, Белла, Восточная Польша — 22.5.1975, Алма-Ата] — поэт.

Прадед С. был набом у Шамиля; дед в младенчестве взят генералом Ермоловым в заложники и привезен в Петербург, где окончил Пажеский корпус, всю жизнь провел на русской службе, женился на княжне Якубовской, скончался в Друскениках. Отец С. перешел в православие, женился на русской (Родионова), за что был проклят своим родителем, и при крещении принял имя Борис и отчество Александрович; он был однокашником и однополчанином генерала А. И. Деникина, участвовал в русско-японской войне, в Ярославском антисоветском мятеже. Сам С. учился в Нижегородском, затем в Хабаровском кадетских корпусах, окончил Константиновское артиллерийское училище в Петрограде (1918). После Ярославского восстания вместе с отцом пробирается в армию Деникина, воюет в 17-й Кавказской конно-егерской батарее в чине поручика. Эвакуировался с армией Деникина, был некоторое время в Галлиполи, затем — в Белграде, учился на историко-филол. ф-те Белградского ун-та, участвовал в лит. сб. кружка «Гамаюн» (1924).

Неустоявшиеся лирические темы С. обозначены в эти годы позднесимволистскими образами («картонный паяц», «девушка с алым ртом»), решены анахронистическими поэтическими средствами («таинственный замок», «тайна», «горящие свечи») и скреплены эпиграфами из Блока, Вяч. Иванова. В то же время наиболее близкий С. поэт — Гумилев («В дни юности и трудной и суровой / Возил, под орудийный лягз и шум, / Истрепанные книжки Гумилева / На дне седельных переметных сум»). Акмеистическая ясность и простота образов С. в 1930-е станут еще отчетливей. Наиболее оригинальное стих. С. 1920-х — «Мой предок, кочевой туркмен», поднимающее тему родовой памяти. В 1928 С. переезжает в Париж, где женится